

Восьмой внимательно наблюдал за каждым действием Су Цы, и в его сердце росло радостное, почти торжествующее удивление.

«Неужели этот воспитатель и вправду умеет играть на той странной штуке, которую называют „флейтой“?» Если он действительно владеет этим искусством, то Восьмой наконец-то сможет показать Седьмому, кто здесь на самом деле бестолковый и ничего не смыслящий в музыке!

Как только эта заманчивая мысль окончательно укоренилась в голове, Восьмой поспешил подобраться как можно ближе к Су Цы. Он замер перед ним, уставившись большими собачьими глазами, в которых читалось бесконечное, трепетное ожидание. Тот факт, что воспитатель сидел на стуле, а сам он стоял, ничуть его не смущал.

Напротив, в таком положении он мог гораздо лучше рассмотреть каждое движение пальцев Су Цы. К тому же воспитатель выглядел пугающе хрупким: если он слишком долго простоит на ногах и вдруг упадет в обморок от слабости, кто тогда научит его играть на заветной флейте?

Мальчик совершенно забыл о том, как Су Цы совсем недавно одной рукой с легкостью поднял его в воздух. Сейчас всё его внимание было приковано к белым изящным рукам молодого человека с четко очерченными тонкими суставами.

Эти руки... они были просто невероятно красивыми!

Восьмой опустил взгляд на собственные ладони с грубой кожей, испещренной шрамами разной глубины, и с силой сжал их в кулаки.

Пусть его руки не такие изящные, зато в них скрыта настоящая сила! А сила, как он считал, куда важнее любой внешней красоты.

Разумеется, Восьмой больше не смотрел свысока на этого нового, хрупкого и худощавого воспитателя, как делал это раньше. И причина тому была проста...

В памяти вдруг всплыла теплая картина: воспитатель бережно берет его на руки, аккуратно

укладывает в кровать, укрывает мягким одеялом и нежно, успокаивающе гладит по голове. А еще... тот тихий голос, что прозвучал в ушах, когда он тонул в захлестнувшей всё вокруг вязкой тьме.

«Спи, завтра приду проводить тебя», – прошептал он.

Голос был тихим, лишенным лишних эмоций, но для Восьмого он прозвучал удивительно трогательно, почти до боли в груди.

Он запомнил эти слова накрепко, и именно поэтому вчера утром в игровой комнате, когда воспитатель разговаривал только с Пятой, он почувствовал такую сильную, обжигающую злость.

«Этот великий обманщик! А ведь обещал прийти...»

Однако, несмотря на то что после вчерашнего приступа безумия он почти ничего не помнил, в памяти отчетливо отпечатались один момент: когда он, совершенно обессиленный, лежал на холодном полу, воспитатель в серо-синей форме присел перед ним и мягко положил руку на голову.

Картинка была размытой, словно сквозь туман, но Восьмой знал, что не мог ошибиться.

Более того, проснувшись сегодня утром, он с изумлением обнаружил, что раны почти затянулись, лицо и руки были чистыми, а сам он уютно лежал в своей кровати.

Раньше, когда он приходил в себя после приступов, то всегда просыпался либо в полном одиночестве на ледяном полу комнаты, среди груды мусора, либо в стерильной медицинской капсуле под пристальным и холодным наблюдением медиков.

Не думайте, что он не знал правды: эти взрослые за глаза называли их «маленькими монстрами», а в их взглядах всегда читались неприкрытый страх и брезгливое отвращение.

Поначалу Восьмому было невыносимо больно, но вскоре он изменил отношение к этому и даже начал испытывать своеобразную гордость. Раз его называют «маленьким монстром», значит,

он действительно достаточно силен!

И все же ему не нравилось сталкиваться с этими взрослыми, как не нравилось и задышаться в замкнутом, давящем пространстве медицинской капсулы.

Никогда прежде, после потери сознания, он не просыпался в постели, чувствуя себя таким отдохнувшим и восстановившимся, как в эти два последних раза.

Раньше, приходя в себя, он ощущал лишь изнуряющую боль и тотальную слабость во всем теле. А сегодня? Мало того что кто-то заботливо умыл его, так еще и обработал раны лекарством – иначе он ни за что не поправился бы так быстро.

Кто этот человек, который так искренне заботится о нем? Ответ был очевиден: кроме нового воспитателя, никому.

Восьмой посмотрел на Су Цы и неожиданно для самого себя решил, что тот стал ему гораздо симпатичнее.

Конечно, это вовсе не значило, что он внезапно полюбил воспитателя. Просто он получил от него неоценимую помощь, поэтому решил «одолжить» ему свое расположение в качестве благодарности.

Пока мальчик предавался этим размышлениям, Су Цы уже удобно устроился на стуле. Он достал из пространственной пуговицы чистый платок, тщательно протер флейту и принялся вспоминать мелодии, которые когда-то знал.

Наконец он расположил флейту горизонтально, принял правильную позу и, опираясь на те ощущения, которые вызывал в нем Восьмой, выбрал в памяти легкую, радостную и полную жизненной энергии мелодию. Он начал играть.

Когда в тишине игровой комнаты раздался первый чистый звук, Восьмой был мгновенно очарован.

Он заворуженно, не отрываясь, смотрел на воспитателя.

Молодой человек слегка прикрыл глаза, уверенно держа флейту в безупречных белых руках. Его алые губы коснулись отверстия в начале инструмента, и он начал нежно, плавно вести мелодию.

Движения были теми же, что и у Седьмого, но если у того это выглядело комично и неуклюже, то у воспитателя... это было так элегантно, возвышенно и красиво!

А мелодия... она звучала просто чудесно, проникая в самое сердце!

Даже Третий, который обычно тихо прятался в самом дальнем углу, резко поднял голову и повернулся в их сторону.

Мальчик внимательно, с каким-то особенным напряжением слушал звуки флейты. Его светло-голубые глаза, обычно пустые и расфокусированные, все еще не светились полноценной жизнью, но на вечно спокойном, равнодушном лице, которое никогда не реагировало на внешний мир, впервые появилось выражение, очень похожее на искреннее изумление.

Он очень медленно моргал, словно через эти мелодичные звуки «видел» что-то прекрасное, чего никогда в жизни не встречал.

Сам того не заметив, он выронил из рук металлический шар, который всегда крепко сжимал в ладонях.

Изящные и гибкие пальцы Су Цы ритмично, словно крылья бабочки, порхали по флейте.

Прекрасные ноты лились непрерывным потоком, складываясь в гармоничную музыку. Вокруг него словно разлилась невидимая аура легкости и одухотворенности, отчего и без того привлекательные черты лица засияли еще более чарующим, неземным светом.

В середине мелодии, когда наступила самая радостная и светлая часть, Су Цы слегка приподнял ресницы.

Он бросил короткий взгляд на Третьего, заметил необычную реакцию ребенка, и в его глазах промелькнуло удивление, которое тут же сменилось легкой, едва заметной улыбкой.

Затем его взгляд переместился на мальчика, стоявшего прямо перед ним.

Волчонок, обычно шумный, активный и бесцеремонный, сейчас широко раскрыл зеленые глаза и, не мигая, смотрел на Су Цы. В его зрачках плясали яркие искорки, полные искреннего восторга и почти детского обожания.

Мало-помалу мальчик присел, а затем и вовсе опустился на пол. Он подпер подбородок ладонями, задрал голову и счастливо закрыл глаза, полностью вслушиваясь в музыку. В отличие от глубокого изумления Третьего, на лице Восьмого отразилось чистое, незамутненное наслаждение.

Он впервые в жизни слышал такую музыку и слушал ее так самозабвенно, словно на мгновение вернулся в те далекие дни, когда его еще не отправили в приют для детенышей на мрачной тюремной звезде.

В отличие от Пятой и остальных, когда он попал на тюремную звезду, ему было уже семь с половиной лет – возраст, когда дети начинают всё запоминать.

Слушая эту незнакомую, дикий мелодию, он чувствовал, будто купается в потоках свежего, прохладного ветра, ощущал тонкий запах влажной травы и утренней росы, слышал радостное, звонкое щебетание птиц.

Он даже почувствовал долгожданное, ласковое тепло солнца, которое мягко согревало тело, – это было так приятно, что хотелось остаться в этом моменте навсегда.

К сожалению, это прекрасное чувство длилось недолго. Мелодия подошла к концу, последние звуки флейты стихли, и он резко вернулся в серую реальность.

Глядя на игровую комнату с ее холодными, безжизненными металлическими тонами, Восьмой почувствовал глубокую, щемящую тоску.

– Я хочу послушать еще раз! – воскликнул он.

Мальчик вскочил, подбежал к Су Цы и с надеждой ухватился за его рукав.

Конечно, он постеснялся капризничать и требовать в открытую, как это делала Пятая, но, осознав, что тон звучит слишком резковато, он тут же смягчил голос:

– Су Цы, сыграй еще раз, пожалуйста? Я очень хочу послушать еще разок.

Восьмой никогда и представить не мог, что эта простая длинная трубка может так звучать. Раньше он видел, как Седьмой тщетно пытался на ней играть, но у того не выходило ни одного вменяемого звука.

«Хм, а еще имел наглость называть меня бестолковым!» – с удовлетворением подумал он.

Однако под пытливым, умоляющим взглядом Восьмого Су Цы медленно опустил флейту.

Эта мелодия звучала легко и непринужденно, но играть ее на самом деле было непросто.

Он использовал тонкую технику исполнения звукового культиватора, вложив в игру частицу своей духовной силы, чтобы эти малыши смогли с первого же раза прочувствовать и понять всё то, что выражала музыка.

Честно говоря, Су Цы и сам невольно тосковал по прошлому.

Поэтому, поддавшись внезапному порыву, он решил поделиться с детьми красотой былых, давно утраченных пейзажей Земли. Видеть их удивленные и мечтательные лица было довольно забавно и даже приятно.

Но играть для них постоянно?

Ха, даже величайшие мастера прошлого не осмелились бы требовать от него такого подвига.

Молодой человек с легким вздохом откинулся на спинку стула и лениво произнес:

- Устал.

- Мы же играли совсем немного! – воскликнул Восьмой, широко раскрыв глаза.

Но, взглянув на хрупкую фигуру воспитателя, который, казалось, мог рассыпаться в прах от одного легкого дуновения ветра, он поморщился и всё же решил промолчать.

Мальчик осторожно обошел Су Цы сзади и, сложив маленькие руки в кулачки, принялся заискивающе и старательно массировать плечи.

- А когда ты отдохнешь? – спросил он.

Вспыльчивый волчонок теперь говорил тихо и очень мягко, почти подражая тому успокаивающему тону робота-няни, которым тот обычно утихомиривал детей.

- Когда перестанешь уставать, сыграешь мне еще?

Су Цы бросил на него короткий взгляд. Он не ожидал, что этот колючий малыш умеет так ловко подстраиваться под ситуацию.

Он протянул флейту обратно Восьмому, достал из пространственной пуговицы остатки пачки чипсов и, с аппетитом похрустывая ими, ответил:

- Больше не буду. Если очень хочешь, могу научить тебя самому.

Восьмой глупо уставился на флейту в руках, но глаза его были намертво прикованы к чипсам, которые воспитатель достал из воздуха, словно какой-то искусный фокусник.

Его не удивляла такая способность – пространственные пуговицы или капсулы, подумаешь! Он, Восьмой, был весьма искушен в подобных технических вещах.

Но аромат, доносившийся из пачки, был таким манящим и интенсивным, что у него в буквальном смысле чуть слюнки не потекли.

– Это чипсы! Так это ты их ешь! – догадался он.

Он чувствовал этот притягательный запах еще некоторое время назад!

Восьмой сглотнул, и рука невольно потянулась, чтобы выхватить лакомство, но, заметив в другой руке флейту, он резко замер.

Если он сейчас отберет чипсы, воспитатель наверняка передумает и не станет учить его играть... А тогда он не сможет похвастаться перед Седьмым и взять долгожданный реванш!

Восьмой немного помучился, борясь с искушением, но в итоге с трудом убрал руку. Он посмотрел на Су Цы огромными зелеными глазами и с явной досадой произнес:

– Я тоже хочу чипсов, дай мне хоть немного.

Он помнил, что это очень вкусно – ароматно и хрустяще, совсем не то, что безвкусные питательные смеси, которые выдавали в приюте!

Су Цы, не обращая внимания на его страдания, продолжал одну за другой отправлять чипсы в рот.

Видя, какое жалкое и несчастное выражение лица у Восьмого, он слегка встряхнул упаковку и под пристальным, почти гипнотическим взглядом мальчика выудил оттуда один крошечный кусочек.

Взгляд мальчика мгновенно сменился с томительного ожидания на полное, искреннее недоумение.

Он не мог поверить своим глазам, глядя на кусочек чипса, который по размеру был не больше

маленькой монетки.

- Не хочешь? – с наигранным сомнением спросил Су Цы.

Он сделал вид, что хочет убрать чипсы обратно в пуговицу, и Восьмой поспешно, в панике схватил его за рукав, сердито и торопливо воскликнув:

- Хочу! Я очень хочу!

Тогда Су Цы аккуратно положил кусочек ему на ладонь. Восьмой очень бережно, словно величайшее сокровище, взял его и начал по крошке, медленно откусывать.

Такой маленький кусочек, конечно, закончился слишком быстро – его хватило лишь на то, чтобы едва почувствовать вкус.

Но он знал, насколько ценны такие вещи на тюремной звезде, где любые ресурсы были в катастрофическом дефиците.

Мальчик с наслаждением смаковал острый вкус, который не пробовал уже очень давно, и с еще большей, почти болезненной жадой смотрел на пачку в руках Су Цы.

Увы, Су Цы больше не проявил мягкости.

Он съел еще один целый чипс, чтобы утолить голод, вызванный игрой на флейте, затем приподнял бровь и с вызовом спросил:

- Ну так что, будешь учиться играть?

- Буду! Конечно, буду! – в один голос ответил мальчик.

Видя, что воспитатель непреклонен, Восьмой надулся, заставляя себя не смотреть на манящую еду и не вдыхать ее сводящий с ума аромат.

- Хватит есть, давай скорее начнем!

Подгоняемый нетерпением Восьмого, Су Цы убрал остатки чипсов в пространственную пуговицу, не спеша вытер руки платком и внимательно посмотрел на мальчика.

- Я могу научить тебя, но что ты предложишь мне взамен?

Восьмой замер. Он открыл рот, но не смог мгновенно придумать, как схитрить или обмануть.

Даже Пятая, когда хотела получить платок, отдала свою любимую заколку, чтобы договориться с воспитателем. Неужели он окажется хуже Пятой?

Но...

У него не было никакой заколки!

Мальчик столкнулся с совершенно неразрешимой задачей. Его лицо сморщилось, он в полной растерянности начал кружиться на месте.

Су Цы наблюдал за ним, чувствуя странное дежавю: он вспомнил, как робот-няня № 4586 точно так же крутился на месте, когда находился в отчаянии, а Восьмой тогда еще открыто смеялся над ним.

Он с искренним интересом ждал, какой «козырь» выложит этот маленький волчонок.

Наконец мальчик остановился.

Кажется, он всё-таки придумал, что предложить, но эта жертва давалась ему с огромным трудом – лицо снова исказилось в мучительной гримасе.

Су Цы стало по-настоящему любопытно.

Что же этот волчонок предложит ради уроков игры на флейте? Если он будет искренен, Су Цы не против научить его как следует.

В конце концов, методы культивации древности, скорее всего, уже давно утеряны и забыты. Если он передаст искусство звукового культиватора, это будет достойным ответом за те кувшины персикового вина, что он когда-то выпил у величайшего мастера секты Звука.

Вспомнив терпкий вкус того вина, Су Цы невольно причмокнул губами.

В этот момент мальчик перед ним принял окончательное решение. Он слегка наклонился, вытянул шею и... подставил голову прямо к руке Су Цы.

Смущенно, почти шепотом, он пробормотал:

- Если научишь меня играть, я дам тебе потрогать свои уши, идет?

Сразу после этих слов из-под серо-черных волос внезапно выскочила пара пушистых волчьих ушей.

Су Цы моргнул от неожиданности.

На его глазах один из мягких кончиков ушей слегка дернулся, а тонкий нежный пушок заколыхался, словно приглашая прикоснуться.

Восьмой низко опустил голову, пытаясь скрыть покрасневшее лицо, но густой румянец уже начал стремительно расползаться по шее.

Он предложил это, потому что прекрасно помнил: вчера, когда он находился в полубессознательном состоянии...

Воспитатель тайком трогал его уши!

И целых три раза!

Он точно не ошибся. Восьмой сначала всерьез сомневался, стоит ли его разоблачать, но теперь...

Раз воспитателю так нравится – пусть трогает.

Лишь бы он научил его играть на флейте, чтобы Седьмой, который вечно смеялся над ним, наконец увидел, кто здесь на самом деле не умеет играть. Пусть трогает сколько угодно.

К тому же, по сравнению с необходимостью отдавать какие-то ценные вещи, это предложение казалось Восьмому невероятно выгодным! У него и так почти ничего не было... А раз его уже трижды трогали, то какая теперь разница?

Стоило ему представить лицо Седьмого, когда тот услышит его игру – удивленное, разочарованное и вынужденное признать поражение, – как Восьмой пришел в полный восторг.

Су Цы видел, как маленький волчонок, подставивший уши, радостно и часто завилял хвостом.

Это выглядело так, будто он изо всех сил приглашает его погладить себя.

Су Цы откинулся на спинку стула, лениво разглядывая мальчика.

«Что же делать?» – задумался он.

Честно говоря, вместо ушей ему больше хотелось потрогать большой хвост волчонка – густая, мягкая и блестящая шерсть выглядела очень приятной на ощупь.

Пока Су Цы размышлял, сбоку послышались тихие, почти невесомые шаги.

Он лениво повернул голову.

Третий, который всё это время прятался в углу, полностью погруженный в свой внутренний мир, поднялся, подобрал металлический шар и, перебирая короткими ножками, подошел к нему.

Мальчику было около шести лет, он был заметно ниже Восьмого. Несмотря на слепоту, он шел уверенно, крепко сжимая в руках шар, и без колебаний направился прямо к Су Цы.

У Третьего были черные блестящие волосы, красивые светло-голубые глаза, похожие на редкие драгоценные камни, и очень милые, правильные черты лица. Он был таким тихим и неподвижным, что напоминал дорогую фарфоровую куколку.

Су Цы с любопытством наблюдал за ним, гадая, зачем ребенок подошел.

Затем, к его полному удивлению, Третий тоже подставил голову, и из волос показалась пара крошечных пушистых ушек.

Су Цы впервые видел звериные черты Третьего. Ушки были совсем маленькими, примерно в треть размера ушей Восьмого.

Они были угольно-черными, точно такие же, как и волосы мальчика, и прятались так глубоко, что их было очень трудно заметить.

Глядя на две маленькие головы с пушистыми ушками, Су Цы не мог не умилиться.

Он наклонил голову и мягко спросил Третьего:

– Ты тоже хочешь научиться?